

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1972

с армянами³⁹. Мнение о сходстве динарского атропологического типа (в частности, черногорского) с некоторыми народами Кавказа поддерживается и в советской этнографической литературе⁴⁰.

Таковы в общих чертах позиции югославских ученых в вопросах семейной общины и других родственных коллективов. Нетрудно заметить, что в перечне подвергнувшихся изучению проблем почти отсутствует тема архаических, давно исчезнувших форм большой семьи. После работ 50-х годов о происхождении задруги⁴¹ интерес к подобным сюжетам явно ослабел. В этом отношении советская наука имеет очевидные преимущества — в последние годы здесь активно разрабатывается такая тематика⁴².

Не получила признания в югославской этнографии и выдвинутая М. О. Косвеном концепция патронимии, хотя, на мой взгляд, лежащая в ее основе мысль о сохранении связей между членами разросшегося и разделившегося коллектива вполне может объяснить факт существования традиционных динарских «братств» и «племен». Тем не менее Ш. Кулишич в своей рецензии на книгу М. О. Косвена «Семейная община и патронимия» отверг возможность отождествления с патронимией братств и других коллективов родичей (например, албанского «барк») ⁴³. Ему кажется, что более точным названием для той родственной группы, которую М. О. Косвен называет патронимией, является «род», но не классический род первобытности, а род, сохраняющийся в классовом обществе. Ш. Кулишич возражает против идеи патронимии еще и потому, что она включает в себе элемент патриархальности, по его же убеждению, родственные группы у южных славян содержат сильные пережитки материнского рода. Но ведь главное в теории патронимии не название, его с успехом можно заменить другим, например, «сегментированная семейная община»⁴⁴, а идея сохранения связей — имущественных, родственных, идеологических — между членами разделившегося семейного коллектива. Эти связи могли существовать и в группах весьма различного состава, важно лишь, чтобы здесь присутствовал момент разрастания и последующего раздела какого-то ядра, а вот эта-то мысль и чужда Ш. Кулишичу. Предлагая снять понятие патронимии — не название, а всю сумму признаков, и заменить его понятием рода, Ш. Кулишич тем самым выбрасывает и эту плодотворную идею.

Попытки изучить семейные общины и родственные группы, таким образом, дали много интересного. Если эта работа будет продолжена, в науку будет введен свежий и поучительный материал, касающийся сюжетов, которые всегда живо интересовали и югославских и советских исследователей.

³⁹ J. Erdeljanović, *Nekoliko etničkih problema kod Južnih Slovena*, str. 365.

⁴⁰ «Народы зарубежной Европы», т. I, М., 1964, стр. 37, 41; «Народы Кавказа», т. I, стр. 30.

⁴¹ O. Mandić, *Klasni karakter buržoaskih teorija o postanku zadruga*; Š. Kulišić, *O postanku i razvoju zadruge*.

⁴² Ю. В. Бромлей, К вопросу о сохранении семейных общин в Далматинской Хорватии, сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран», М., 1963, стр. 67—71; его же, Становление феодализма в Хорватии, М., 1964; J. V. Bromley, *The archaic form of the communal family*, «Proceedings VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological sciences, 1968, Tokyo and Kyoto», vol. II, «Ethnology».

⁴³ S. Kulišić, *O zadrugi i patronimiji*, EP, sv. 5, 1963, str. 69—79.

⁴⁴ Ю. В. Бромлей, Становление феодализма в Хорватии, стр. 176 и сл.

М. М. Фрейденберг

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

A. Lommel. *Masken. Gesichter der Menschheit*. Zürich, 1970, 230 S.

Имя Андреаса Ломмеля хорошо известно читателям многих стран — ученым и неспециалистам. Он автор интересно написанных, превосходно изданных и хорошо иллюстрированных книг. Это работы об аборигенах Австралии, их культуре и трагической судьбе в современном мире¹, и книги, посвященные первобытному искусству², а также исследование о шаманизме³.

¹ A. Lommel, *Die Unambal, ein Stamm in Nordwest-Australien*, Hamburg, 1952; его же, *Fortschritt ins Nichts. Die Modernisierung der Primitiven Australiens*, Zürich, 1963; A. Lommel, K. Lommel, *Die Kunst des fünften Erdteils Australien*, München, 1959.

² A. Lommel, *Motiv und Variation*, München, 1962; его же, *Prehistoric and Primitive Man*, London — New York — Toronto, 1966; его же, *Vorgeschichte und Naturvölker*, Gütersloh, 1968.

³ A. Lommel, *Die Welt der frühen Jäger — Medizinmänner, Schamanen, Künstler*, München, 1965. (в пер. на англ. яз.: «Shamanism, The Beginnings of Art», New York-Toronto, 1967).

Книги Ломмеля всегда вызывают интерес и оживленные споры, а его книга о шаманизме стала предметом дискуссии, в которой приняли участие ученые многих стран⁴.

Более 20 лет А. Ломмель является директором Государственного музея народоведения в Мюнхене, который во многом благодаря его усилиям стал одним из ведущих центров по изучению искусства народов Австралии и Океании, Африки, Азии и Америки. Работы Ломмеля отличает необычайная тематическая и этногеографическая широта, позволяющая ему смело, порой даже излишне смело, сопоставлять искусство разных стран, народов и эпох.

Рецензируемая книга посвящена интересному и повсеместно распространенному явлению материальной и духовной культуры — маскам. В отдельных главах маски рассматриваются по следующим регионам: Африка, Океания (Меланезия, Полинезия, Австралия), Цейлон, Индия и Индонезия, Тибет, Сибирь, Аляска, Северная, Южная и Центральная Америка, Япония, Европа. Как и все книги Ломмеля, она обильно иллюстрирована, в основном репродукциями предметов из богатейших собраний Мюнхенского музея. Все иллюстрации — как черно-белые, так и цветные — технически безупречны.

Автор поставил своей целью дать обобщающее исследование о масках почти всех народов мира о бесконечно разнообразных функциях масок у разных народов и т. п. Как человек всей своей практической и научной работой тесно связанный с музеем, с изучением материальной культуры народов мира, много путешествовавший и повидавший, Ломмель, бесспорно, хорошо подготовлен к написанию такого труда. Он прав, утверждая, что только глобальное исследование масок во всем многообразии их функций способно объяснить их сущность, их происхождение и широчайшее распространение.

Наряду с этим в книге ставится и более частная проблема — генезиса ряжения и народного театра, интересующая широкие круги этнографов, фольклористов, театроведов. Это видно уже из того, что она стала предметом обсуждения на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук⁵ и на конференции, посвященной историческому развитию народного театра, проходившей в Ленинграде в мае 1971 г. Один из докладов этой конференции («Маски и ряжень» П. Г. Богатырева) по своей проблематике особенно близко соприкасается с рецензируемой книгой. В архаических обрядах отсталых народов, магических или тотемических по своей сущности, в коллективных действиях тайных союзов, в шаманских камланиях, в святочных играх, карнавалах — всюду, где появляются ряженные в масках, мы наблюдаем начальные формы театральности, зрелищности, элементы народной драмы.

Самая большая глава посвящена африканским маскам, и это понятно: маски народов Африки давно и заслуженно пользуются мировой известностью как одно из ярких проявлений народного художественного гения. Имеется ряд обобщающих работ о масках этого континента, их список читатель найдет в библиографии, приложенной к книге. Кое в чем Ломмель повторяет своих предшественников, но во многом самостоятелен. Его интересуют сущность, происхождение, функции масок. Он прослеживает историю масок Африки, начиная с наскальных изображений Тассили, бронзовых голов Бенина, бронз и терракот Ифе и долины Нок. Он настаивает на древности происхождения африканских масок.

Символика масок отражает мировоззрение племени в его религиозно-философском аспекте, его мифологию. Как считает Ломмель, африканские маски персонафицируют главным образом предков и как бы связывают последних с потомками. Распространение различных типов и стилей масок и связанных с ними верований, роль масок в общественной жизни — в обрядах инициации и т. п., в деятельности тайных союзов — все это составляет содержание рассматриваемой главы.

После Африки областью, в которой маски представлены необычайным разнообразием форм и типов, является, несомненно, Меланезия. Здесь они также тесно связаны с общественной жизнью в самых различных ее проявлениях.

Прототипом масок Меланезии, по мнению Ломмеля, является моделированный глиной или смолистой массой череп предка, вместившие его духовной субстанции. В Меланезии, как и в Африке, маски связаны с тайными союзами — эта черта, в общем хорошо известная, отмечена и Ломмелем. Меньше внимания он уделяет роли масок в обрядах плодородия, получивших в Меланезии особенное развитие и восходящих, по-видимому, к какому-то чрезвычайно архаическому пласту в культуре ее населения. Роль масок в этих обрядах чрезвычайно велика — достаточно вспомнить о праздниках байнингов Новой Британии, в культуре которых архаические элементы общемеланезийской культуры ощутимы более, чем где-либо⁶.

На первый взгляд, можно считать дискуссионным включение в книгу раздела об австралийцах. Аборигены Австралии не знают искусственно изготовленных масок, но

⁴ См.: «Current Anthropology», vol. 11, № 1, 1970, p. 39—48.

⁵ «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. VI, М., 1969, секция 12: «Народный театр и хореография». В связи с нашей темой наибольший интерес представляет доклад А. Д. Авдеева «Маска и ее роль в процессе возникновения театра» (стр. 80—86).

⁶ В. Р. Кабо, Байнинги — примитивные земледельцы Океании, в кн. «Страны и народы Востока», вып. 3, М., 1964, стр. 58—63.

широко применяют ритуальную раскраску тел участников обрядов плодородия, обрядов, воспроизводящих деяния героев мифической древности⁷. Такая маскировка функционально родственна применению масок, вот почему австралийский этнографический материал находит в книге свое законное место, тем более что материал этот стадийно более ранний, чем какой-либо иной из рассматриваемых в книге, является своего рода ключом к проблеме происхождения масок. На наш взгляд, довольно спорно и не находит подтверждения в реальных фактах утверждение Ломмеля, что в Австралии маскированные воплощают лишь «духов древности», а в Меланезии — «духов предков». Для Меланезии это не совсем верно, что же касается Австралии, то тут в синкретических образах мифологических героев черты «духов древности» и «духов предков» как бы слиты воедино.

Интересна поставленная в той же главе проблема традиций и творческой свободы, поскольку мастера первобытного искусства всегда творили в рамках традиции.

Обильный материал для культурно-исторических параллелей дают маски Цейлона, представляющие демонов болезней, враждебных человеку и побеждаемых в ходе обряда-пантомимы. Глава эта — одна из наиболее интересных в книге. Обряды заклинания и изгнания демонов болезней на Цейлоне — элементарная форма народного театра, синкретичная по существу. Автор справедливо сближает эти обряды с шаманскими по своему характеру обрядами Тибета. Но есть на Цейлоне и лишенные магико-религиозного содержания формы народной драмы, участники которой выступают в масках. Таков прежде всего *колам*, воспроизводящий эпизоды мифологии и, таким образом, восходящий к архаическим мистериям австралийского типа.

Ближний к своему характеру индонезийский материал (театрализованные представления *баронг* о-вов Бали и Ломбок) рассматривается в следующей главе. Много общего с Цейлоном и в Тибете: здесь также маски нередко персонифицируют демонов болезней, а болезнь преодолевается в ходе театрализованного представления. Особенный интерес представляет *цал* («танец»), впечатляющая религиозная по содержанию и театрализованная по форме церемония с участием танцоров в масках, синтез обряда и драмы, реликт первобытных обрядов плодородия, очищения и обновления. Здесь явственно проступает древний шаманский субстрат.

Авторская концепция шаманизма кратко изложена в главе, посвященной маскам народов Сибири (как уже сказано, проблеме шаманизма Ломмель посвятил отдельную монографию). По мнению Ломмеля, шаман является центром, душой и мозгом человеческого коллектива, его «психотерапевтом», он обеспечивает душевное здоровье, благополучие и охотничье счастье группы. Шаманы, как полагает Ломмель, были первыми художниками, поэтами и актерами — тезис, особенно уязвимый вследствие его бездоказательности. В рецензируемой книге Ломмель определяет шаманизм «как религию или, скорее, мирозерцание» (стр. 119).

Это определение несколько отличается от того, которое Ломмель дал в вышедшей ранее книге о шаманизме, где он писал, что шаманизм не просто одна из форм религии, но сложный синтез религиозных представлений и особого поведения, основанного на своеобразной психической структуре.

Определения Ломмеля расплывчаты, но его точка зрения в общем ясна. Шаманизм, бесспорно, явление религиозного порядка, но Ломмель прав, усматривая в личности шамана отражение «сложности его психической структуры», или, говоря иным языком, синкретизма первобытного сознания. Нерасчлененность представлений о мире выражается и в атрибутах шамана, в том числе в масках.

Во многих масках эскимосов и индейцев Северной Америки, изображающих духов-помощников шамана, совмещены черты человека и животных. Впрочем, такие антропоморфные маски известны и в других частях света, например на Новой Гвинее, в Африке, в Европе. Явление это связано не только с шаманизмом, оно отражает общественное сознание на определенной стадии развития.

В главе, посвященной маскам Центральной Америки, ничего не говорится о месте масок в современных народных праздниках и обрядах, и лишь фотографии, иллюстрирующие главу, напоминают о той роли, какую они продолжают играть в жизни народов этой части света.

Маски Японии занимают особое место. Их истоки, как и у других народов, — в первобытных обрядах и мифологии, но уже давно они почти лишены иных функций, кроме одной — театральной. Только культовые танцы в масках *кагура* и некоторые обряды в отдельных храмах напоминают о былом. Известно, однако, что в XI—XIII вв. и даже ранее, еще до возникновения театра *Но*, маски *гигаку*, *бугаку* и другие использовались в танцах, исполнявшихся в синтоистских святилищах и буддийских храмах. Совершенно аналогичное явление — употребление масок лишь в театрализованных представлениях светского характера — автор находит на Яве. Это *ваянг толенг*, театр замаскированных актеров. Ломмель даже допускает — без особых, впрочем, доказательств — воздействие яванского театра масок на японский.

Истоки европейских масок Ломмель усматривает в наскальных изображениях палеолитических пещер Южной Европы: Тейжа, Ляско, Трех Братьев. Зооморфные маски,

⁷ Подробнее об австралийских обрядах как элементарной форме народного театра см. в главе «Театр каменного века», в кн. А. Lommel «Fortschritt ins Nichts».

восходящие к этим древнейшим прототипам, сохранились в Альпах — в Австрии и Швейцарии. Смысл древних обрядов давно утрачен, но карнавал, например, еще сохраняет свой первоначальный характер обряда плодородия. В коллективных актах, совершаемых в масках, все еще прослеживаются две исходные формы: действие в масках как регулятор общественного поведения (ряженные, перевоплощаясь при содействии масок, как бы утрачивают представление о социальной и возрастной иерархии, выходят за рамки обычных норм поведения, обличают пороки власть имущих — хотя бы в том же карнавале) и связь с событиями космического порядка (реликты обрядов сезонного цикла, например, проводы зимы и встреча весны или нового года).

Следует отметить, что материал главы о масках Европы сравнительно ограничен: в основном он относится к Центральной Европе. По-видимому, Ломмелю остался неизвестным обильный материал по маскам Европы, не только Центральной, но и Восточной (Литвы, Польши, Венгрии, Румынии, Греции, Югославии, Болгарии, Чехословакии), опубликованный в «Швейцарском архиве народоведения»⁸. Из этих публикаций видно, что у многих народов Европы еще существуют маски и связанные с ними древние обряды. Это относится и к Северному Кавказу.

Подводя итоги всего исследования, Ломмель выделяет три основных комплекса: маски как персонификация предков и воплощение традиции представлены в основном в Африке и Меланезии, маски как духи-помощники шаманов — в Сибири и Северной Америке, превращение ритуальных масок в театральные — на Яве, Бали и в Японии. Такая схема имеет, конечно, слишком обобщенный характер, она обедняет действительность, изображенную автором, и во многом нуждается в уточнениях. Ломмель сам признает, что «функции масок в различных странах и культурах нельзя определить несколькими ограниченными понятиями» (стр. 217). В истории масок автор намечает два основных прототипа: зооморфную маску, которую он считает древнейшей, и антропоморфную, возникшую позднее, изображающую лицо мертвого — почитаемого предка или врага.

Далее Ломмель касается проблемы культурно-исторических связей. Так, он проводит параллели между Индонезией и Японией (об этом уже говорилось), между Японией и Северо-Западной Америкой, между Северо-Западной Америкой и Меланезией. К сожалению, он не всегда в должной мере осторожен в выводах. Не всякое сходство свидетельствует об исторических связях и взаимодействии культур. Чтобы доказать последнее, помимо внешнего сходства в мотивах орнамента, в стиле и функциях масок нужны еще какие-то более веские данные. Между тем автор вслед за некоторыми другими исследователями на основании сходства мотивов изобразительного искусства постулирует наличие исторических связей между ранним Китаем и Центральной Америкой, причем тут же признает, что никаких исторических документов, доказывающих эти связи, не существует (стр. 219). Ломмель во многом диффузионист. В одной из своих работ он цитирует Фробенюса: «Карта не может лгать! Нанесите на карту мотивы изобразительного искусства, и вы получите карту, которая покажет ареал их распространения».

Маски Океании, прежде всего Меланезии, представляющие собой моделированный человеческий череп, Ломмель выводит из Ближнего Востока, где в раскопках древнего Иерихона была найдена аналогичным образом моделированная маска из черепа человека (стр. 58 и 220). Едва ли нужно говорить, что для такого вывода нет серьезных оснований. Кстати, на стр. 58 Ломмель датирует маску из Иерихона 500 г. до н. э., а на стр. 220 — V тысячелетием до н. э.

Следует упрекнуть автора и в том, что, как свидетельствует приведенный им список литературы, ему остались неизвестными капитальные труды советского исследователя А. Д. Авдеева: его работы о масках⁹ и особенно его книга «Происхождение театра»¹⁰.

Несмотря на отдельные недостатки, неизбежные в большом труде, а в некоторых случаях на уязвимость выводов, перед нами талантливо написанное комплексное исследование, охватывающее огромный материал, поистине энциклопедический труд, незаменимый для каждого, кого интересует изобразительное искусство и духовная культура народов мира, происхождение театра, история и типология масок, для каждого, кто стремится постичь культуру любого народа в живой связи и единстве ее элементов, создающих ее неповторимый облик.

⁸ «Schweizerisches Archiv für Volkskunde», В. 63, Нф. 3—4. Basel, 1967; В. 64, Нф. 1—2. 1968.

⁹ «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVII, М.—Л., 1957, стр. 232—344; т. XVIII, 1958, стр. 279—304; т. XIX, 1960, стр. 39—110.

¹⁰ А. Д. Авдеев, Происхождение театра, Л.—М., 1959.